

Латинская Америка в «Группе двадцати»: преемственность и новые темы повестки (2008–2018 гг.)¹

С. Нахон

Нахон Сесилия – PhD, исполнительный директор, «Модель “Группы двадцати”», Американский университет; бывший посол Аргентины в США и шерпа Аргентины в «Группе двадцати»; US, Washington, DC 20016, 4400 Massachusetts Avenue, NW; E-mail: cnhon@gmail.com

«Группа двадцати» появилась на глобальной арене вскоре после банкротства финансового гиганта – банка Lehman Brothers, до того момента четвертого по величине инвестиционного банка в США, банка со 158-летней историей. 15 сентября 2008 г. случилось невообразимое. Международная финансовая система пошатнулась, а традиционные инструменты политики оказались не в состоянии остановить это падение. Начавшийся с середины 2007 г. резкий спад цен на жилье и «схлопывание» рынка субстандартной ипотеки привели к волне банкротств в финансовом секторе в США и странах Европы. В октябре 2008 г. и индикатор Спред «ти-И-ди» (“TED spread” indicator)², показывающий уровень стресса в банковском секторе США, и «глобальный индекс облигаций развивающихся стран» (“EMBI Global spread” index), показывающий уровень риска для 61 страны с переходной экономикой, достигли своих исторических максимумов [IMF, 2017]. Это означало, что финансовый кризис не ослаб, а, напротив, стал распространяться по всему миру.

Именно в тот момент президент США Джордж Буш-младший, второй президентский срок которого подходил к концу, решил собрать саммит глав государств и правительств ключевых экономик мира. Выбор стран был обусловлен тенденциями формирования многостороннего миропорядка, в том числе возвышением Китая. Таким образом, «властители глобального управления» – «Группа семи», объединяющая наиболее развитые экономики, была дополнена крупнейшими развивающимися странами³. «Двадцатка», объединившая 19 стран и Европейский союз, рассматривалась как «системно значимый институт», на долю которого приходится более 80% глобального производства, 75% – международной торговли и 66% – мирового населения. С 1999 г. группа действовала как технический форум для координации министров финансов стран-участниц⁴, однако в ноябре 2008 г. состоялся первый саммит лидеров G20 в Вашингтоне. В инаугурационном саммите приняли участие главы трех крупнейших латиноамериканских экономик: Аргентины, Бразилии и Мексики.

---

¹ Статья поступила в редакцию в мае 2018 г.

Перевод выполнен Е.А. Сафонкиной, научным сотрудником Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

² Разница между ставкой по казначейским векселям США и ставкой по евродолларам (*Примеч. пер.*).

³ «Группа двадцати» объединяет страны – члены «Группы семи» (Великобритания, Германия, Италия, Канада, США, Франция, Япония) + Европейский союз, Австралию и ряд стран с переходной экономикой: Аргентину, Бразилию, Индию, Индонезию, Китай, Мексику, Республику Корея, Россию, Саудовскую Аравию, Турцию и ЮАР. Испания является постоянной приглашенной страной. Также ежегодно страна-председатель выбирает другие приглашенные страны в соответствии со своими региональными приоритетами.

⁴ Первая встреча «Группы двадцати» состоялась в Берлине в 1999 г. по инициативе министра финансов США Ларри Саммерса и министра финансов Канады Пола Мартина, которые отобрали участников, исходя из их значимости для мировой экономики, а также стремления обеспечить определенный региональный баланс, что, безусловно, не могло исключить определенного самоволия [Kharas, Lombardi, 2012].

За десятилетие, прошедшее с саммита в Вашингтоне, лидеры стран – участниц «двадцатки» встретились в общей сложности 12 раз. Тринадцатый саммит состоится в ноябре 2018 г. в Буэнос-Айресе в ходе председательства Аргентины. До этого саммит лидеров G20 принимала Мексика (в Лос-Кабосе), а Бразилия выступала в качестве координатора «двадцатки» в 2008 г. в ходе перехода от формата встреч министров к формату встреч лидеров.

В данной статье исследуются роль и основной вклад трех латиноамериканских стран в деятельность «Группы двадцати» за последнее десятилетие. Автор, в частности, постарался проанализировать преемственность и новые темы в повестке G20, обусловленные региональными приоритетами. В начале статьи представлен обзор изменений, происходивших с G20 на протяжении первого десятилетия ее работы. Затем исследуется вклад латиноамериканских стран в работу данного института. Статья завершается кратким представлением альтернативного подхода и повестки для «двадцатки».

Ключевые слова: «Группа двадцати»; преемственность повестки

Для цитирования: Нахон С. (2018) Латинская Америка в «Группе двадцати»: преемственность и новые темы повестки (2008–2018 гг.) // Вестник международных организаций. Т. 13. № 4. С. 39–54 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-04-02.

Десятилетие «Группы двадцати»: от «кризисного комитета» к комитету в кризисе

«Кризисный комитет» (2008–2009 гг.)

В ходе саммитов в Вашингтоне (2008 г.), Лондоне (апрель 2009 г.) и Питтсбурге (сентябрь 2009 г.) «Группа двадцати» функционировала как своего рода «кризисный комитет»: лидеры встретились, чтобы определить дальнейшие совместные направления действий по принятию исключительных мер для стабилизации финансовых рынков, сдерживания кризиса и восстановления глобального роста. Они достигли многостороннего соглашения для стимулирования крупнейших экономик действовать согласованным образом. США обеспечили вливание в размере нескольких миллиардов долларов за счет комбинации мер фискальной и монетарной политики: пакет антикризисных мер и мер стимулирования поднял бюджетный дефицит США с 1,1% ВВП в 2007 г. до 9,8% в 2009 г., в то время как Федеральная резервная система США понизила размер процентной ставки до исторического уровня и прибегла к мерам нетрадиционной монетарной политики (валютному стимулированию) для увеличения ликвидности рынка⁵. Европейский центральный банк также реализовывал экспансивную монетарную политику, а большинство стран – членов ЕС объявили о контрциклической налогово-бюджетной политике.

В своем первом совместном заявлении в духе кейнсианства лидеры стран – членов «Группы двадцати» подтвердили «совместное понимание» «рыночных принци-

⁵ Когда в 2008 г. Сенат США одобрил Закон об экстренной стабилизации экономики, президент Дж. Буш так объяснил мотивы его принятия американской общественности: «Принимая этот закон, мы принимаем решительные меры, чтобы помочь предотвратить кризис на Уолл-стрит, чтобы он не распространился по всей стране. Мы продемонстрировали миру, что Соединенные Штаты Америки стабилизируют свои финансовые рынки и сохраняют ведущую роль в глобальной экономике <...> Будучи сторонником свободного предпринимательства, я верю, что вмешательство правительства должно происходить только при необходимости. В этой ситуации вмешательство действительно необходимо». Сразу после вступления в должность в январе 2009 г. новый президент Барак Обама удвоил меры стимулирования.

пов» и «открытых торговых и инвестиционных режимов», а также обязались «избегать протекционизма» [G20 Leaders' Declaration, 2008]. Кроме того, лидеры «двадцатки» признали необходимость изменения системы: «...мы должны заложить основу для реформы, чтобы не допустить в будущем повторения глобального кризиса, подобного нынешнему». По правде говоря, кризис был обусловлен не только финансовыми банкротствами, но также интеллектуальным банкротством: согласно базовой неоклассической экономической теории, кризис, по идее, на наиболее идеальном финансовом рынке мира был невозможен. Офис независимой оценки Международного валютного фонда отметил, что сам институт «не ожидал кризиса в тот период и такого масштаба, поэтому не мог предупредить своих членов» [IMF, 2011, p. 5]. Уровень дезориентации был высоким: вскоре после банкротства Lehman Brothers руководство МВФ заявило о том, что экономика США избежала резкого снижения темпов роста (июнь 2008 г.) и что риски ухудшения финансовой ситуации невелики (июль 2008 г.).

Учитывая неспособность институтов, ответственных за обеспечение финансовой и монетарной стабильности, справиться с кризисом, призыв к созданию «новых Бреттон-Вудских институтов» распространился среди стран – членов «двадцатки»⁶. Однако подобное стремление продолжалось недолго, в итоге возобладала более консервативная точка зрения: в основе реформ, выдвинутых «двадцаткой», лежало укрепление международного финансового регулирования, надзор, мониторинг и координация. Удивительно, но МВФ после кризиса значительно укрепился. Во-первых, поскольку он получил капитализацию в размере 750 млрд долл. для расширения своих финансовых программ, принципы реализации которых остались неизменными. Во-вторых, благодаря давлению стран с переходной экономикой, прежде всего БРИКС, «Группа двадцати» в ходе саммита в Сеуле (2010 г.) договорилась о реформе квот и управления МВФ (число голосов), чтобы они отражали реальную роль стран с переходной экономикой в глобальной экономике. Это действительно сделало МВФ институтом с более гармоничной представленностью членов⁷.

Ведущий форум для международного экономического сотрудничества (2010–2015 гг.)

В 2009 г. в глобальной экономике произошел наиболее серьезный и глубокий спад за несколько десятилетий (–0,1%), вызванный кризисом в развитых экономиках (–3,4%) [IMF, 2017]. Кризис быстро обрел название «Великая рецессия». Однако программы по стимулированию спроса сделали свое дело, и в 2010 г. развитые экономики восстановили темпы экономического роста (3%), глобальная экономика также вернулась к положительным показателям (5,4%). Лидеры стран – членов «двадцатки» вновь встретились в Торонто в 2010 г., чтобы обсудить достигнутые результаты. В ходе саммита была одобрена миссия «двадцатки» как «ведущего форума для международного экономического сотрудничества», а также поставлена цель достижения «уверенного, устойчивого и сбалансированного роста».

Хотя наиболее острая фаза финансового кризиса, казалось, прошла, кризис продолжал оказывать серьезное отрицательное воздействие на реальную экономику, что

⁶ Среди лидеров, которые призывали к новым Бреттон-Вудским институтам, были премьер-министр Великобритании Гордон Браун и президент Франции Николя Саркози.

⁷ Хотя реформа управления МВФ была согласована «двадцаткой» в 2010 г., ее имплементация затянулась более чем на пять лет из-за задержки процедуры одобрения Конгрессом США. США стали последней из «Группы двадцати» юрисдикцией, которая ратифицировала ее. Согласие США было необходимо, чтобы получить 85% необходимых голосов в МВФ.

нашло отражение в резком росте безработицы, прежде всего в развитых (европейских) странах, а также среди молодежи. Пока страны с переходной экономикой, и в определенной степени США, выступали за продолжение политики по стимулированию спроса, европейские страны, прикрываясь «недостаточным фискальным пространством» и высоким уровнем долга в ряде экономик, настаивали на сокращении кейнсианских программ в пользу так называемой фискальной консолидации (т.е. политики жесткой экономии и регулирования).

В 2010–2011 гг. «Группа двадцати» изменила направление действий и стала выступать за «фискальную консолидацию» (включая снижение социальных расходов) и «структурные реформы» (включая отмену регулирования рынков труда) вместо продолжения реализации мер для восстановления экономики, что было исторической проциклической ошибкой, которая привела к затянувшейся рецессии в странах ЕС и слабым темпам восстановления экономик по всему миру [Polaski, Nahón, 2017]. Подобная самонадеянность нашла отражение в Коммюнике G20, которая несколько раз провозглашала окончание кризиса, несмотря на повторное его обнаружение. В действительности «эпицентр» кризиса переместился из США в еврозону, которая вновь оказалась в состоянии рецессии в 2012 г., а страны южноевропейской «периферии» столкнулись с повторяющимися долговыми кризисами (в это время появился негативный акроним PIGS применительно к кризисной ситуации в Португалии, Ирландии, Греции и Испании (Portugal, Ireland, Greece, Spain)). Финансовая нестабильность и кризис в сфере занятости превратились в постоянное явление в Европе вследствие ожидаемого свертывания программ стимулирования. К середине 2014 г. падение глобального спроса, последствия программы количественного смягчения Федерального резерва США, а также окончание цикла роста цен на сырьевые товары оказали негативное воздействие на страны с переходной экономикой – темпы экономического роста в КНР замедлились, а в России и Бразилии началась экономическая рецессия. Однако даже в этих условиях экономического спада страны с переходной экономикой, прежде всего в Азии, оставались ключевым источником роста глобальной экономики, более чем в 2 раза превышая темпы роста развитых стран⁸.

Постепенно, с распространением кризиса, который оказывал все более тяжелое воздействие на рынки труда и жизнь граждан, «двадцатка» стала расширять свою повестку дня за счет включения новых вопросов, таких как занятость, развитие, миграция, борьба с изменением климата, энергетика и борьба с терроризмом (в силу терактов в ряде стран-членов. – *Примеч. пер.*). Произошла консолидация форума в качестве механизма для диалога и координации политики на высшем политическом уровне между ведущими экономиками мира. На этом этапе стали создаваться новые форматы взаимодействия: от встреч технических рабочих групп до министерских встреч. Были организованы встречи министров иностранных дел, министров сельского хозяйства, министров труда, министров энергетики, министров торговли в дополнение к регулярным встречам (4 или 5 раз в год) министров финансов, глав центральных банков и шерп стран – членов «Группы двадцати»⁹. Постепенно саммиты превратились в удобные площадки для проведения двусторонних и многосторонних встреч между главами стран-участниц.

В ходе саммитов в Каннах (2011 г.), Санкт-Петербурге (2013 г.) и Анталье (2015 г.) вопросы сохраняющейся безработицы, стагнации в росте заработных плат и растущего

⁸ В период с 2011 по 2016 г. темп экономического роста развитых экономик мира составлял 1,7%, в то время как стран с переходной экономикой и развивающихся стран – в среднем 5% [IMF, 2017].

⁹ Шерпы являются представителями глав государств – членов «двадцатки». Занимаются вопросами координации переговоров до саммитов и обеспечивают преемственность национальных позиций каждой страны. Сфера их ответственности включает преимущественно вопросы нефинансовой повестки форума.

неравенства укрепились в повестке «двадцатки». Глобальная экономика вступила в период неравномерного, неустойчивого и умеренного роста (ниже докризисных показателей), что не могло способствовать восстановлению рынков труда. По оценкам Международной организации труда (МОТ), в тот период дефицит рабочих мест в мире составлял 200 млн.

В довершение всего доля национального дохода, получаемая работниками за последние десятилетия, снизилась во всех странах – членах «двадцатки», прежде всего в развитых странах, и разрыв между уровнем производительности работников и зарплатами увеличился [ILO/OECD, 2015]. В этой связи лидеры призвали к формированию более «инклюзивной» экономики, и «двадцатка» выработала набор конкретных рекомендаций по борьбе с данными негативными тенденциями [G20, 2015]. Однако на практике большинство стран – членов «Группы двадцати» не реализовывали данные рекомендации, тем самым упуская возможность предотвратить рост недовольства в отношении глобализации [Polaski, 2017]. Недостаточно своевременные и подходящие меры привели, особенно в Европе и США, к победам на выборах кандидатов, представляющих ультранационалистические ксенофобские партии.

Деглобализация и разочарование в «двадцатке» (2016–2018 гг.)

Как МВФ не предвидел глобальный кризис в 2008 г., так и «Группа двадцати» не ожидала «сюрпризов» на выборах по обеим сторонам Северной Атлантики в 2016 г. Брексит, а также результаты выборов в США, Великобритании, Франции, Германии и Италии, продемонстрировали отвержение традиционных общественно-политических элит¹⁰. Либеральный международный порядок, опирающийся на принципы рыночной экономики и экономической открытости, за который выступала «Группа двадцати», оказался под вопросом. Спустя десять лет после начала кризиса структура, которая была создана для борьбы с ним, сама втянула себя в новый кризис.

Кризис «Группы двадцати» имеет две составляющие. С одной стороны, форум был ослаблен тем, что многосторонняя система пошатнулась в целом, в силу проамериканских позиций президента Дональда Трампа. На последнем саммите «двадцатки» в Гамбурге впервые не удалось достичь консенсуса по ключевому вопросу, и итоговая декларация завершилась фразой о признании позиции США по вопросам изменения климата, отличной от позиций других стран. Тогда «двадцатка» выглядела как G1 + G19. С того момента нападки США на многостороннюю систему стали лишь нарастать, что нашло отражение в провальном саммите «Группы семи» в прошлом июне, в ходе которого президент США отказался от переговоров, шокировав премьер-министра страны-председателя Джастина Трюдо. В итоге США не поддержали официальное коммюнике саммита. Введение США тарифов на импорт стали и алюминия в 25% и 10% также дискредитировало «двадцатку», которая призывала к решению проблемы избыточных мощностей в стальной отрасли посредством многосторонних переговоров. В начале лета 2018 г. США ввели пошлины на товары из КНР, рынок которых составляет 34 млрд долл. США, что стало прямым нарушением правил ВТО и получило название «крупнейшей в истории торговой войны» между двумя ведущими экономиками мира и несколькими странами – членами «Группы двадцати», которые приняли соответствующие регуляторные меры.

Хотя заявления и решения Д. Трампа являются наиболее видимым проявлением кризиса, причина этой напряженности имеет более глубокие корни: принципы

¹⁰ Подробнее см. в [Polaski, Nahón, 2017].

и рекомендации «двадцатки» подрывают имевшие место недавно выступления против сложившейся международной системы в развитых странах. В процессе глобализации и финансиализации всегда есть победители и проигравшие, однако доля проигравших в последние десятилетия значительно возросла. По оценкам ОКСФАМ (2018 г.), 82% материальных благ, созданных в 2017 г., находились у 1% богатейшего населения планеты, в то время как 3,7 млрд граждан, составляющих беднейшую долю мирового населения, по-прежнему бедствовали. Пока получившие преимущества от глобализации продвигали свои «рецепты успеха» по всему миру, у «проигравших» не было возможности голоса. В последнее десятилетие на повестку «Группы двадцати» все в большей мере стали оказывать влияние крупные финансовые институты и мультинациональные корпорации. Как прямо отметил в отношении США Дж. Стиглиц, «...повестка дня в сфере торговли определялась и служила интересам крупных мультинациональных компаний в ущерб работникам и обычным гражданам».

В этих условиях Германия как страна, принимающая председательство в «двадцатке» в 2017 г., предложила бороться «со страхами и устранять барьеры, вызванные глобализацией», признавая необходимость ответа на рост деглобализационных настроений. Однако ответ лидеров на саммите в Гамбурге был поверхностным, поскольку вектор политики форума не изменился. Положительным сигналом стало то, что группа в большей степени акцентировала необходимость «инклюзивного» роста (слово «инклюзивный» 18 раз встречается в Гамбургской декларации). Это означало признание роста неравенства и того, что «преимущества глобализации не получили достаточного распространения». Однако эти заслуживающие одобрения заявления не трансформировались в последовательную политику, которая способствовала бы более равномерному распределению дохода и богатства. В реальности во многих странах – членах «Группы двадцати», как и в Латинской Америке, текущая экономическая политика значительно усиливает бедность и неравенство. Несмотря на общую риторику и недавние конфликты между странами-участницами, в «двадцатке» по-прежнему преобладают традиционные подходы: политика либерализации, дерегулирования и фискальной консолидации, которые и обусловили рост деглобализационных настроений.

Путь Латинской Америки в «Группе двадцати»: преемственность и новые темы повестки

В течение последнего десятилетия роль и повестка латиноамериканских стран в «Группе двадцати» менялись. Четко прослеживаются два периода, совпадающие с политическими предпочтениями правительств региона: в ходе первого этапа (2008–2015 гг.) у власти находились влиятельные левые правительства, в ходе второго (начавшегося в 2016 г.) – консервативные правые¹¹.

От региональной интеграции к конкурентной фрагментации

Независимо от периода перед правительствами стояла задача создания и продвижения общей повестки в «двадцатке», которая бы учитывала не только приоритеты

¹¹ Первый период включает правительства Кристины Кишнер в Аргентине, правительства Лула да Силва и Дилмы Руссефф в Бразилии, а также Фелипе Кальдерона и Энрике Пенья Ньето в Мексике. Второй период соотносится с правительствами Маурисио Макри, Мишела Темера (который пришел к власти после институционального переворота в августе 2016 г.) и Энрике Пенья Ньето соответственно.

трех латиноамериканских участниц G20, но и интересы всего региона в целом. Однако можно выделить существенные отличия в динамике сотрудничества стран региона в «двадцатке» для каждого из периодов.

В период между 2008 и 2015 гг. Аргентина и Бразилия работали в «двадцатке» как стратегические союзники, предлагая приоритеты, координируя позиции и стремясь повысить влияние региона Латинской Америки. Неслучайно эти страны выступали за продвижение в «двадцатке» вопросов региональной интеграции, которая была одним из ключевых направлений их внешней политики. В то время имело место укрепление механизмов региональной интеграции, таких как МЕРКОСУР (Южноамериканский общий рынок), и создание новых, таких как УНАСУР (Союз южноамериканских наций, начал работу в 2004 г.) и СЕЛАК (Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна, с 2010 г.), развивалась и повестка дня «Группы двадцати». Аргентина и Бразилия формализовали свое сотрудничество в G20 посредством создания двустороннего комитета высокого уровня, который проводил регулярные встречи и консультации по вопросам повестки дня «двадцатки». Однако этот механизм не включал Мексику. Причем это было не результатом недостатка диалога или товарищества между тремя странами, а стратегического решения Мексики продвигать свои позиции в рамках международных экономических и финансовых форумов совместно с США, их влиятельным северным соседом и ключевым торговым партнером. В результате объединение усилий с Мексикой носило временный характер и было обусловлено наличием общих позиций по конкретным вопросам. Тем не менее три латиноамериканские страны принимали активное участие в неформальном механизме координации для развивающихся стран, который начиная с 2010 г. проводил встречи на регулярной основе для сближения позиций на уровне шерп ряда стран с переходной экономикой, включая Китай, Индию, Индонезию, Россию и ЮАР.

Что происходит сегодня с координацией латиноамериканских стран по вопросам повестки «Группы двадцати»? Принимая аргентинское председательство в «Группе двадцати» в декабре 2017 г. президент М. Макри заявил: «Мы хотим выражать позицию всего региона, а не только нашей страны». Эта идея впоследствии стала звучать из уст официальных лиц высокого уровня, а также различных экспертов, которые выступали за продвижение латиноамериканской повестки в рамках форума. Однако обещания президента Макри, как оказалось, расходятся с его внешней политикой. С момента своего прихода к власти глава страны, принимающей следующий саммит «двадцатки», содействовал снижению числа содержательных вопросов в повестке УНАСУР, не принял участия ни в одном саммите лидеров СЕЛАК и использовал МЕРКОСУР только в качестве платформы для переговоров о заключении соглашения о свободной торговле с Европейским союзом – регионом, который наряду с США стал приоритетом внешней политики Аргентины. Следовательно, Аргентина принимает «двадцатку» в момент ослабления региональной интеграции и координации, для которого характерны фрагментация, конкуренция и реализация индивидуальных стратегий внешней политики. Эту тенденцию подтверждают и интеграционные механизмы, которые являются либо селективными (Тихоокеанский альянс, Боливарианский альянс для народов нашей Америки (ALBA))¹², либо ситуативными (Лимская группа), либо потерявшими релевантность (Саммит американских государств, Организация американских государств).

¹² В состав Тихоокеанского альянса входят Мексика, Перу, Чили, Колумбия, Коста-Рика; в состав ALBA – 11 стран (Боливия, Венесуэла, Куба, Эквадор, Никарагуа, Доминика, Антигуа и Барбуда, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Люсия, Гренада и Сент-Китс и Невис) (*Примеч. пер.*).

Два решения аргентинского председательства в G20 также подтверждают слабую общность региональной повестки. Во-первых, даты саммита в Буэнос-Айресе (30 ноября – 1 декабря 2018 г.) удивительным образом совпадают с инаугурацией президента в Мексике, которая традиционно, начиная с 1934 г., проводится каждые шесть лет 1 декабря. Можно ожидать, что из-за пересечения дат президент Мексики не сможет посетить саммит в Буэнос-Айресе. Во-вторых, Аргентина решила пригласить в качестве приглашенных стран Чили и Нидерланды, что контрастирует с выбором Мексики, которая в ходе своего председательства 2012 г. пригласила двух региональных партнеров (Чили и Колумбию)¹³. Это, однако, не умаляет тот факт, что Аргентина пригласила к участию представителя Карибского сообщества – Ямайку.

От института, меняющего правила, к институту, принимающему правила

Возможно, наиболее значительным изменением между двумя периодами является отказ, прежде всего Аргентины и Бразилии, от критики и стремления исправить нечестные правила международной финансовой и торговой системы (позиция «игрока, меняющего правила») в пользу более пассивного принятия и следования правилам, сложившимся в настоящий момент (позиция «игрока, принимающего правила»).

В период с 2008 по 2015 г. страны Южного конуса продвигали посредством гибких коалиций с другими блоками и/или странами – членами «Группы двадцати» ряд реформ глобального управления¹⁴. С момента саммита в Вашингтоне Аргентина и Бразилия выступали за антициклическую политику для борьбы с «Великой рецессией», эту позицию поддерживали другие страны – члены БРИКС, уровень взаимодействия и координации с которыми Бразилии значительно возрос. Бразилия, поддерживаемая Аргентиной, также продвигала реформу управления МВФ. Лидеры латиноамериканских стран были «пионерами» в своем призыве к «двадцатке» бороться с возросшим избеганием налогообложения на глобальном уровне, а также к международному сотрудничеству для борьбы с налоговыми убежищами¹⁵. «Группа двадцати» впервые обязалась предпринимать действия против налоговых убежищ на саммите в Лондоне (2009 г.), что создало основу для принятия впоследствии Плана действий «Группы двадцати» / ОЭСР по размыванию налогооблагаемой базы и перемещению прибыли (BEPS).

Еще одним шагом, предпринятым Аргентиной и Бразилией с целью продвижения реформы глобального управления, стал отказ от принятия в 2009 г. «трудовой флексбилизации» как рекомендации «двадцатки», а вместо этого раннего предупреждения серьезного негативного воздействия кризиса безработицы. Подобная оборонительная позиция в отношении трудовых вопросов впоследствии была усилена за счет «наступательной» стратегии по продвижению политики защиты трудовых прав и социальной инклюзивности в «двадцатке». В этой сфере был достигнут ряд результатов, включая предложение сделать Международную организацию труда полноценным партнером «двадцатки», как и МВФ, постоянный призыв предоставить в G20 голос работникам и профсоюзам, включая «Профсоюзную двадцатку», а также создание в 2015 г. подгруппы, сопредседателями которой выступили Аргентина и Франция, для анализа роли не-

¹³ Приглашение Нидерландов, а не какой-либо другой страны Латинской Америки, сложно оправдать, в частности, принимая во внимание сверхпредставленность европейских стран в «Группе двадцати» (пять стран + Европейский союз).

¹⁴ Как отмечается в [Schweitzer, 2016], Бразилия, в отличие от Аргентины, выбрала более умеренную позицию по этому вопросу.

¹⁵ По данным ЭКЛАК, общие потери от уклонения от налогообложения в Латинской Америке составляли до 6,7% ВВП [CEPAL, 2017].

равенства, в том числе в распределении дохода, как барьера для устойчивого роста¹⁶. И Аргентина, и Бразилия совместно с другими развивающимися экономиками призывали к успешному завершению Дохийского раунда переговоров ВТО в соответствии с мандатом Организации в области развития, а также принципом «одного обязательства», и выступали за действительно сбалансированную и справедливую многостороннюю торговую систему, которая даст развивающимся странам возможность реализовывать политику в интересах национального развития.

Наконец, вопрос устойчивости суверенного долга в «двадцатке» изначально был поднят Аргентиной при поддержке Бразилии.

Несмотря на поступательный рост соотношения долга к ВВП в большинстве стран – членов «Группы двадцати» (прежде всего в европейских странах) или, возможно, из-за него этот вопрос столкнулся с сопротивлением в группе и на подходящем уровне вошел в повестку «двадцатки» только на саммите в Санкт-Петербурге (2013 г.), когда лидеры заявили, что «события последних лет подчеркнули важность вопроса долговой устойчивости для всех». Год спустя на саммите в Брисбене (2014 г.), после того как Аргентина символически проиграла свой долговой спор судебным властям США, «Группа двадцати» признала, что «вызовы, связанные с судебными разбирательствами», подрывают «упорядочение и обеспечение предсказуемости процесса реструктуризации суверенных долговых обязательств», и приветствовала «международные усилия, направленные на усиление коллективных действий и принципа пропорционального распределения». Это решение было серьезным дипломатическим комплиментом Аргентине, которая столкнулась с давлением со стороны ряда стран – участниц «Группы двадцати», однако была поддержана Бразилией, Мексикой, Францией, Австралией, Россией и КНР. Через год на саммите в Анталье (2015 г.) была подтверждена актуальность данной темы для международной финансовой повестки. «Двадцатка» призвала МВФ продолжать поощрять включение подобных статей в международные суверенные облигации¹⁷.

На пути к саммиту в Буэнос-Айресе

Напротив, начиная с 2016 г. лидеры латиноамериканских стран стали позиционировать себя в «Группе двадцати» как «игроков, принимающих правила» международной финансовой и торговой системы. При этом они придерживаются точки зрения, согласно которой удобнее принять «вещи, как они есть», а не ставить их под сомнение или же стремиться изменить международные правила, которые рассматриваются как нечестные или неблагоприятные для стратегических интересов. Данная концепция, составляющая основу внешней политики Аргентины и четко прослеживаемая во взаимоотношениях Буэнос-Айреса и Вашингтона, заключается в том, чтобы «за счет договоренностей с сильными мира сего обеспечивать защиту собственных интересов» [Tokatlian, 2018]. Удивительно, что Аргентина председательствует в «Группе двадцати», что дает возможность внести личный вклад в повестку дня форума, в момент слабой консолидации латиноамериканских стран. У стран континента, в крайней степени разобщенных, нет общей повестки, которую они могли бы продвигать в рамках форума.

¹⁶ Результат данной работы представлен в документе “G20 Policy Priorities on Labor Income Share and Inequalities”, который был включен в качестве приложения в декларацию лидеров «двадцатки» 2015 г.

¹⁷ Более подробно вопрос задолженности Аргентины и «Группы двадцати» представлен в работе [López, Nahón, 2017].

Очевидно, что М. Макри представлял совершенно другой международный сценарий (до Брексита, до Д. Трампа), когда продвигал председательство своей страны в «двадцатке»: он полагал, что саммит в Буэнос-Айресе ознаменует собой торжество либерального международного порядка. В действительности в настоящее время руководство Аргентины вынуждено следовать сложному сценарию, обусловленному кризисом многосторонности и нарастанием споров между странами – членами «Группы двадцати» (КНР, Мексикой, Канадой, ЕС и Россией, которые приняли ответные меры торговой политики против США, введших торговые тарифы).

Несмотря на эти условия, аргентинское правительство стало придерживаться двойной стратегии. В ходе обсуждений аргентинское председательство в G20 высказывало благородные намерения, амбициозные и политически корректные формулировки в отношении своей повестки и целей «двадцатки»: «руководить “Группой двадцати” в интересах беднейших граждан», «формировать консенсус в интересах равномерного и устойчивого развития», «содействовать тому, чтобы “Группа двадцати” вносила свой вклад в обеспечение мира и развитие человечества». Напротив, по существенным вопросам аргентинское председательство предложило повестку, в значительной степени консервативную, относительно слабую, включающую приоритеты с обтекаемыми формулировками по тем сферам, в которых наблюдается наибольшее расхождение позиций, таких как торговля и борьба с изменением климата, для того чтобы удовлетворить США и не поставить под угрозу участие президента Д. Трампа в саммите в Буэнос-Айресе.

В соответствии с этим подходом тремя приоритетами аргентинского председательства в «двадцатке» стали: «будущее рынков труда», «инфраструктура для развития» и «устойчивые системы продовольствия». За яркими названиями важно разглядеть содержание политики, которую Аргентина продвигает в приоритетных сферах. Дискуссия о роли новых технологий и будущих рынках труда в качестве скрытого обоснования для продвижения дерегулирования рынков труда и снижения защиты прав рабочих может нанести значительный ущерб. Подобный подход был реализован в Бразилии, и правительство Аргентины намерено повторить его. Вопросы занятости не могут рассматриваться только со стороны предложения (через профессиональную подготовку и образование), что подрывает роль политики, определяемой спросом. Что касается инфраструктуры, то ключевой темой является продвижение и поддержка государственно-частных партнерств (ГЧП). Этот подход, продвигаемый правительством М. Макри, может запустить скрытые и опасные механизмы роста задолженности и/или приватизации [Soler, 2018], о чем недавно заявили 152 организации из 45 стран в общественном манифесте [PPP Manifesto, 2017]. Наконец, тема продовольственной безопасности не первый год находится в повестке «двадцатки» (она была включена Мексикой в качестве одного из приоритетов председательства в 2012 г.). Нововведение этого года заключается в предложении содействовать партнерствам с частным сектором в русле «корпоративного» подхода аргентинского председательства.

Альтернативная повестка для «Группы двадцати»

Десятилетие спустя после саммита лидеров в Вашингтоне «Группа двадцати» оказалась на южноамериканском континенте ослабленной, утратившей доверие и разобщенной. Ослабленной – в силу того, что односторонние меры президента США Д. Трампа ежедневно обесценивали актуальность и влияние многосторонней системы, создаваемой на протяжении последних 70 лет. Утратившей доверие – в силу победы на выборах по обеим сторонам Северной Атлантики кандидатов, выступающих против системы, от-

вергающих принципы свободного рынка и открытости экономики для своих стран, по крайней мере на данном этапе, и их лидирующие позиции в «двадцатке». Разобренная – поскольку эскалация торговой войны породила конфликт между странами-участницами, подорвав одно из фундаментальных обязательств группы (т.е. твердое намерение воздерживаться от протекционистских мер).

В этой критической ситуации компетенций аргентинского правительства, которому приходится бороться с постоянной тенденцией снижения роста экономики, явно не хватает для реализации роли председателя в «Группе двадцати». Все это добавляет неопределенности сложившейся ситуации. В прошлом году Ангела Меркель, канцлер четвертой крупнейшей экономики мира и единственный лидер в «двадцатке», который принимал участие во всех 12 саммитах форума, уже столкнулась с трудностями в достижении консенсуса в G20.

В данных условиях перспективы будущего саммита в Буэнос-Айресе остаются неопределенными. Если большинство лидеров будут продвигать противоположные позиции, например, сторонники предыдущего статус-кво и Д. Трамп с его подходами в русле “America First”, следующий саммит «Группы двадцати» может завершиться новой конфронтацией лицом к лицу, как произошло на саммите «Группы семи» в Квебеке. Аргентина как председатель, осознавая подобную перспективу, сделала все возможное для минимизации насущных вопросов, по которым наблюдаются расхождения между странами-членами; чтобы избежать подробных дискуссий относительно продолжающегося всплеска деглобализационных настроений; чтобы способствовать достижению прогресса по тем «безопасным» сферам, в которых консенсус возможен. Если эта консервативная стратегия сработает, «Группа двадцати» сможет сохранить лицо, сделать традиционное совместное фото и даже принять декларацию лидеров, как было в Гамбурге в прошлом году. Однако это можно будет обеспечить только за счет снижения субстантивной повестки группы, которая продолжит терять свою значимость.

Для восстановления значимости как ключевого форума глобального экономического управления и содействия реализации амбициозных целей по обеспечению инклюзивного и устойчивого роста вместо отстаивания статус-кво «двадцатке» необходимо как можно скорее сменить направление работы и принять альтернативный подход к повестке, в центре которой будут находиться вопросы развития. Какие вопросы может охватывать альтернативная повестка? «Группа двадцати», фокусирующаяся на вопросах устойчивого развития, может обеспечить формирование новой многосторонности, которая служит национальным интересам, признавая, что подобный путь потребует большей автономности политики для разработки инклюзивных внутренних мер [Rodrik, 2017]. Необходим отказ от неудавшейся политики либерализации и фискальной консолидации в пользу политики в интересах производства, включая инвестиции в инфраструктуру, промышленную политику и научно-технологическое развитие. Также следует отказаться от текущего тренда по дерегулированию рынков труда в пользу разумного регулирования, которое бы восстановило права работников организовываться и заключать договор, гарантирующий им адекватную минимальную заработную плату, а также усилило бы системы социального страхования. Как показывает недавнее исследование, проведенное Экономической комиссией для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), Международной организацией труда (МОТ) и Международным валютным фондом (МВФ), лучшее распределение доходов делает экономический рост более устойчивым, а также более справедливым. Для успешной реализации подхода необходимо создать качественную международную финансовую архитектуру. Это позволит снизить волатильность и дестабилизирующую роль трансграничных потоков капитала, чтобы они способствовали укреплению финансирования в целях развития.

Многосторонние механизмы, позволяющие государствам реализовывать должные и справедливые подходы для решения проблемы суверенного долга, также должны быть интегрированы в глобальные финансовые соглашения. Постоянный призыв к обеспечению свободной торговли должен быть заменен торговой политикой, позволяющей осуществлять интеграцию производств. Необходимо признать, что свободная торговля и финансы сами по себе не являются целью, а служат средством для достижения более крупных экономических и социальных задач [Rodrik, 2017]. Безусловно, фундаментальным вопросом для развития является восстановление потенциала государства и ресурсов. В связи с этим крайне важно выстроить максимальную иерархию для борьбы с налоговыми убежищами и уходом от налогообложения на национальном и международном уровне.

Иными словами, текущий кризис многосторонности открывает невиданную историческую возможность: шанс восстановить международное сотрудничество с акцентом на устойчивое развитие на принципах солидарности, демократии и равенства всех граждан. «Группа двадцати» должна согласиться с историческими требованиями и двигаться дальше. Время пришло!

Источники

Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL) (2017) CEPAL: Evasión fiscal alcanza los USD 340.000 millones en América Latina // Ekos. 2 October. Режим доступа: <https://www.ekosnegocios.com/negocios/m/verArticulo.aspx?idArt=9662> (дата обращения: 11.10.2018).

European Network on Debt and Development (Eurodad) (2017) World Bank Must Stop Promoting “Dangerous” Public-Private Partnerships. Режим доступа: <http://www.eurodad.org/PPPs-Manifesto> (дата обращения: 11.10.2018).

Group of 20 (G20) (2008) Leaders’ Declaration. Washington DC. 15 November. Режим доступа: <http://www.g20.utoronto.ca/2008/2008declaration1115.html> (дата обращения: 11.10.2018).

Group of 20 (G20) (2014) Leaders’ Declaration. Brisbane. 16 November. Режим доступа: <http://www.g20.utoronto.ca/summits/2014brisbane.html> (дата обращения: 11.10.2018).

Group of 20 (G20) (2015) G20 Policy Priorities on Labour Income Share and Inequalities. Annex I to the Leaders’ Declaration of the G20. Antalya. 4 September. Режим доступа: <http://www.g20.utoronto.ca/2015/G20-Policy-Priorities-on-Labour-Income-Share-and-Inequalities.pdf> (дата обращения: 11.10.2018).

Group of 20 (G20) (2017) Leaders’ Declaration. Hamburg. 8 July. Режим доступа: <http://www.g20.utoronto.ca/2017/2017-G20-leaders-declaration.html> (дата обращения: 11.10.2018).

International Monetary Fund (IMF) (2017) World Economic Outlook Database. October 2017 Edition. Режим доступа: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2017/02/weodata/index.aspx> (дата обращения: 11.10.2018).

International Monetary Fund (IMF) (2011) IMF Performance in the Run-Up to the Financial and Economic Crisis: IMF Surveillance in 2004–07. Evaluation Report, Independent Evaluation Office of the IMF. Режим доступа: [http://www.ieo-imf.org/ieo/files/completedevaluations/Crisis-%20Main%20Report%20\(without%20Moises%20Signature\).pdf](http://www.ieo-imf.org/ieo/files/completedevaluations/Crisis-%20Main%20Report%20(without%20Moises%20Signature).pdf) (дата обращения: 11.10.2018).

International Labour Organization (ILO) Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2015) The Labour Share in G20 Economies. Report prepared for the G20 Employment Working Group. Antalya, 26–27 February. Режим доступа: <https://www.oecd.org/g20/topics/employment-and-social-policy/The-Labour-Share-in-G20-Economies.pdf> (дата обращения: 11.10.2018).

Judis J. (2017) What’s Wrong with Our System of Global Trade and Finance? Interview with Dani Rodrik // TPM. 9 June. Режим доступа: <https://talkingpointsmemo.com/cafe/whats-wrong-system-global-trade-finance> (дата обращения: 11.10.2018).

Kharas H., Lombardi D. (2012) *The Group of Twenty: Origins, Prospects and Challenges for Global Governance*. Global Economic and Development Report, Brookings Institution, Washington DC. Режим доступа: <https://www.brookings.edu/research/the-group-of-twenty-origins-prospects-and-challenges-for-global-governance/> (дата обращения: 11.10.2018).

Macri M. (2017) *Palabras del Presidente Mauricio Macri en el lanzamiento de G20 Argentina 2018*. G20 Argentina. 30 November. Режим доступа: <https://www.g20.org/es/prensa/sala-de-prensa/discursos/palabras-del-presidente-mauricio-macri-en-el-lanzamiento-de-g20#> (дата обращения 11.10.2018).

Nahón C., Polaski S. (2017) *The G20's Future: Conflict, Irrelevance or Course Correction?* // Social Europe. 3 июля. Режим доступа: <https://www.socialeurope.eu/g20s-future-conflict-irrelevance-course-correction> (дата обращения: 11.10.2018).

Oxfam (2018) *Richest 1 Percent Bagged 82 Percent of Wealth Created Last Year – Poorest Half of Humanity Got Nothing*. 22 January. Режим доступа: <https://www.oxfam.org/en/pressroom/pressreleases/2018-01-22/richest-1-percent-bagged-82-percent-wealth-created-last-year> (дата обращения: 11.10.2018).

Polaski S. (2017) *Harnessing Macroeconomic, Social and Technology Policies to Create More and Better Jobs: Employment and Social Issues in the G20*. Paper presented at the G20 and BRICS Cooperation for Resilient and Balanced Growth Conference. Moscow. 20 September.

Schweitzer L. (2016) *The Trajectory of Argentina and Brazil in the G20 Between 2008 and 2015*. Master in International Studies, Universidad Torcuato Di Tella, Buenos Aires.

Soler S. (2018) *Negocios Públicos, Vicios Privados* // El Cohete a la Luna. Режим доступа: <http://www.elcohetelaluna.com/negocios-publicos-vicios-privados/> (дата обращения: 11.10. 2018).

Stiglitz J. (2017) *Globalisation: Time to Look at Historic Mistakes to Plot the Future* // The Guardian. 5 декабря. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/business/2017/dec/05/globalisation-time-look-at-past-plot-the-future-joseph-stiglitz> (дата обращения: 11.10. 2018).

The White House (2008) *President Bush Discusses Emergency Economic Stabilization Act of 2008*. 3 October. Режим доступа: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2008/10/20081003-11.html> (дата обращения: 11.10. 2018).

Tokatlian J.G. (2018) *Relaciones con EE.UU: ¿Nueva Etapa?* // Diario Clarín. 2 February. Режим доступа: https://www.clarin.com/opinion/relaciones-ee-uu-nueva-etapa_0_rka7ze-UM.html (дата обращения: 11.10. 2018).

Latin America in the G20: Continuities and Ruptures of the Regional Agenda (2008–2018)¹

C. Nahón

Cecilia Nahón – PhD, Executive Director of the American University Model G20 Initiative and former Ambassador of Argentina to the United States and G20 Sherpa of Argentina; US, Washington, DC 20016, 4400 Massachusetts Avenue, NW; E-mail: cnhon@gmail.com

Abstract

The Group of 20 (G20) broke onto the global scene shortly after the bankruptcy of the financial giant Lehman Brothers, which until then had been the fourth-largest investment bank in the United States with a 158-year long history. On 15 September 2008, the world witnessed the unthinkable. The international financial system was crumbling from within and traditional policy tools were unable to stop the fall. Since mid-2007, the collapse of housing prices and the implosion of the subprime mortgage market bubble had generated a wave of bankruptcies in the financial sector in the United States and Europe. In October 2008, both the TED spread indicator, which accounts for the level of stress in the U.S. banking sector, and the Emerging Market Bond Index (EMBI) Global spread index, which reflects the combined risk of 61 emerging markets, reached their historic peaks [IMF, 2017]. The message was clear: the financial crisis was not easing and the risks of global contagion were already being felt.

It was then that President George W. Bush, in the final months of his second term, decided to convene a summit of the heads of state of the main global economies. Reflecting the emerging multipolar order, in particular the rise of China, Bush issued invitations to his peers among the G20. The exclusive Group of 7 (G7) at the table of global governance – comprised of the main advanced economies – was thus expanded to include the largest emerging economies as well.² The G20 is comprised of nineteen national economies, plus the European Union, that are considered “systemically important” and that together account for more than 80% of global product, 75% of international trade and 66% of world population. Since 1999, the group had operated as a technical forum for financial coordination between finance ministers,³ but in November 2008 the first G20 leaders’ summit took place in Washington DC. The presidents of the three largest Latin American economies – Argentina, Brazil and Mexico – participated in this inaugural summit.

In the decade that has passed since that first meeting, the leaders of the G20 have met a total of 12 times, and plan to do so again in November 2018 in Buenos Aires under the annual (rotating) G20 presidency of Argentina. Previously, Mexico had hosted the leaders’ summit in Los Cabos in 2012 and Brazil had served as the G20 coordinator in 2008 during the transition from a ministerial forum to forum for heads of state. This article explores the role and main contributions of the three Latin American economies in the G20 during the last decade, focusing in particular on the continuities and ruptures in the regional agenda towards the forum. With this goal in mind, the analysis begins with an overview of the metamorphosis of the G20 during its first decade. Then, the specific Latin American path is explored. The article closes with a brief presentation of an alternative approach and agenda for the G20.

Key words: G20; agenda continuity

For citation: Nahón C. (2018) Latin America in the G20: Continuities and Ruptures of the Regional Agenda (2008–2018). *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no 4, pp. 39–54. (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-04-02.

---

¹ The editorial board received the article in May 2018.

² The G20 includes the members of the G7 (Canada, Germany, France, Italy, Japan, the United Kingdom and the United States) plus the European Union, Australia and a diverse group of emerging economies: Argentina, Brazil, China, India, Indonesia, Mexico, Russia, Saudi Arabia, South Africa, South Korea and Turkey. Spain is a permanent guest and every year the country that chairs the forum also invites other countries.

³ The first meeting of the G20 was convened in Berlin in 1999 at the initiative of then U.S. Secretary of the Treasury Larry Summers and Canadian Minister of Finance Paul Martin, who selected their members according to their systemic importance while looking for a certain degree of regional representativeness; they did not avoid, of course, a dose of arbitrariness [Kharas, Lombardi, 2012].

References

- Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL) (2017) CEPAL: Evasión fiscal alcanza los USD 340.000 millones en América Latina. *Ekos*, 2 October. Available at: <https://www.ekosnegocios.com/negocios/m/verArticulo.aspx?idArt=9662> (accessed 11 October 2018) (in Spanish).
- European Network on Debt and Development (Eurodad) (2017) World Bank Must Stop Promoting “Dangerous” Public-Private Partnerships. Available at: <http://www.eurodad.org/PPPs-Manifesto> (accessed 11 October 2018).
- Group of 20 (G20) (2008) Leaders’ Declaration. Washington DC, 15 November. Available at: <http://www.g20.utoronto.ca/2008/2008declaration1115.html> (accessed 11 October 2018).
- Group of 20 (G20) (2014) Leaders’ Declaration. Brisbane, 16 November. Available at: <http://www.g20.utoronto.ca/summits/2014brisbane.html> (accessed 11 October 2018).
- Group of 20 (G20) (2015) G20 Policy Priorities on Labour Income Share and Inequalities. Annex I to the Leaders’ Declaration of the G20. Antalya, 4 September. Available at: <http://www.g20.utoronto.ca/2015/G20-Policy-Priorities-on-Labour-Income-Share-and-Inequalities.pdf> (accessed 11 October 2018).
- Group of 20 (G20) (2017) Leaders’ Declaration. Hamburg, 8 July. Available at: <http://www.g20.utoronto.ca/2017/2017-G20-leaders-declaration.html> (accessed 11 October 2018).
- International Monetary Fund (IMF) (2017) World Economic Outlook Database, October 2017 Edition. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2017/02/weodata/index.aspx> (accessed 11 October 2018).
- International Monetary Fund (IMF) (2011) IMF Performance in the Run-Up to the Financial and Economic Crisis: IMF Surveillance in 2004–07. Evaluation Report, Independent Evaluation Office of the IMF. Available at: [http://www.ieo-imf.org/ieo/files/completedevaluations/Crisis-%20Main%20Report%20\(without%20Moises%20Signature\).pdf](http://www.ieo-imf.org/ieo/files/completedevaluations/Crisis-%20Main%20Report%20(without%20Moises%20Signature).pdf) (accessed 11 October 2018).
- International Labour Organization (ILO), Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2015) The Labour Share in G20 Economies. Report prepared for the G20 Employment Working Group. Antalya, 26–27 February. Available at: <https://www.oecd.org/g20/topics/employment-and-social-policy/The-Labour-Share-in-G20-Economies.pdf> (accessed 11 October 2018).
- Judis J. (2017) What’s Wrong With Our System Of Global Trade And Finance? Interview with Dani Rodrik. *TPM*, 9 June. Available at: <https://talkingpointsmemo.com/cafe/whats-wrong-system-global-trade-finance> (accessed 11 October 2018).
- Kharas H., Lombardi D. (2012) The Group of Twenty: Origins, Prospects and Challenges for Global Governance. Global Economic and Development Report, Brookings Institution, Washington DC. Available at: <https://www.brookings.edu/research/the-group-of-twenty-origins-prospects-and-challenges-for-global-governance/> (accessed 11 October 2018).
- Macri M. (2017) Palabras del Presidente Mauricio Macri en el lanzamiento de G20 Argentina 2018. G20 Argentina, 30 November. Available at: <https://www.g20.org/es/prensa/sala-de-prensa/discursos/palabras-del-presidente-mauricio-macri-en-el-lanzamiento-de-g20#> (accessed 11 October 2018). (In Spanish)
- Nahón C., Polaski S. (2017) The G20’s Future: Conflict, Irrelevance or Course Correction? *Social Europe*, 3 July. Available at: <https://www.socialeurope.eu/g20s-future-conflict-irrelevance-course-correction> (accessed 11 October 2018).
- Oxfam (2018) Richest 1 Percent Bagged 82 Percent of Wealth Created Last Year – Poorest Half of Humanity Got Nothing, 22 January. Available at: <https://www.oxfam.org/en/pressroom/pressreleases/2018-01-22/richest-1-percent-bagged-82-percent-wealth-created-last-year> (accessed 11 October 2018).
- Polaski S. (2017) Harnessing Macroeconomic, Social and Technology Policies to Create More and Better Jobs: Employment and Social Issues in the G20. Paper presented at the G20 and BRICS Cooperation for Resilient and Balanced Growth Conference, Moscow, 20 September.
- Schweitzer L. (2016) The Trajectory of Argentina and Brazil in the G20 Between 2008 and 2015. Master in International Studies, Universidad Torcuato Di Tella, Buenos Aires.
- Soler S. (2018) Negocios Públicos, Vicios Privados. *El Cohete a la Luna*. Available at: <http://www.elcoheteaaluna.com/negocios-publicos-vicios-privados/> (accessed 11 October 2018). (In Spanish)

Stiglitz J. (2017) Globalisation: Time to Look at Historic Mistakes to Plot the Future. *The Guardian*, 5 December. Available at: <https://www.theguardian.com/business/2017/dec/05/globalisation-time-look-at-past-plot-the-future-joseph-stiglitz> (accessed 11 October 2018).

The White House (2008) President Bush Discusses Emergency Economic Stabilization Act of 2008, 3 October. Available at: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2008/10/20081003-11.html> (accessed 11 October 2018).

Tokatlian J.G. (2018) Relaciones con EE.UU: ¿Nueva Etapa? *Diario Clarín*, 2 February. Available at: https://www.clarin.com/opinion/relaciones-ee-uu-nueva-etapa_0_rka7ze-UM.html (accessed 11 October 2018). (In Spanish)